

Выбирая документы и воспоминания членов Президиума ЦК КПСС о минувших днях, их работе, об оценке достижений и провалах в развитии народного хозяйства, я, конечно, думал о встречах не только с теми, кто входил в руководящие органы последних десятилетий, но с теми, кто начинал свою деятельность в первые годы Советской власти, кто сотрудничал со Сталиным, крепил экономическую и оборонную мощь страны. И, естественно, мне хотелось встретиться с Молотовым, Кагановичем, другими руководителями, кто еще жил и был способен раскрыть многие тайные страницы истории борьбы лидеров партии и государства. Вокруг Молотова, я знал, вилось много народа и получить сколько-нибудь оригинальный материал я не рассчитывал. Да надо признать, что приглашать в ЦК, ехать на дачу в моем положении было не слишком подходящим делом. И тем не менее, опоздав встретиться с Молотовым, я думал о беседе с Кагановичем. И случай такой, казалось, представился.

Лазарь Моисеевич Каганович родился в 1895 году в деревне Кабаны, в 30 километрах от Чернобыля. Он прошел большой и сложный путь и вырос от сапожника до наркома, руководителя промышленности, железнодорожного транспорта, нефтедобывающих и угледобывающих отраслей. Каганович назначался заместителем Председателя Совмина СССР, избирался членом ЦК и Президиума ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Президиума ВЦСПС. Это был талантливый организатор промышленного производства, жестокий и решительный руководитель, пользующийся полным доверием Сталина. За бесперебойную работу железнодорожного транспорта, снабжение армии моторным топливом в годы войны награжден Золотой медалью Героя Социалистического Труда, многими орденами и медалями. В 1957 году за участие в так называемой антипартийной группе, принятии решений о массовых расстрелах, выведен из состава Президиума ЦК, освобожден от всех должностей, направлен сначала в Свердловскую область, затем Калининскую. В 1961 году исключен из рядов КПСС. Последние годы пенсионер союзного значения. Умер в 1991 году в возрасте 97 лет.

В конце 1990 года в приемную заведующего общим отделом ЦК КПСС позвонил человек, представившийся помощником Л. М. Кагановича. Я давненько ничего не слышал о Кагановиче и не знал, что он обзавелся помощником, а потому с интересом взял трубку и попросил секретаря соединить меня с этим человеком. Помощник представился и сказал, что Каганович внимательно следит за публикациями в "Известиях ЦК КПСС" и хотел бы дать истинную информацию о своем неучастии в принятом решении о сносе Сухаревой башни, Храма Христа Спасителя, других архитектурных и исторических ценностей Москвы. Кроме того, помощник сообщил, что у Л. М. Кагановича хранится ряд интересных с исторической точки зрения

В. И. БОЛДИН

БОЛДИН Валерий Иванович родился в 1935 году. Окончил экономический факультет ТСХА, аспирантуру Академии общественных наук, кандидат экономических наук. Работал в "Правде", в аппарате ЦК КПСС. Заведующий Общим отделом ЦК, руководитель аппарата президента СССР, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР. Народный депутат СССР.

'ЖЕЛЕЗНЫМ НАРКОМ'

материалов, в том числе его воспоминания. Ряд изданий предлагал ему их опубликовать, но он отказался. Из разговора можно было понять, что воспоминания Кагановича могут быть опубликованы в "Известиях ЦК КПСС", но только в случае официального обращения к нему от имени ЦК КПСС.

Судя по разговору и некоторым ответам на мои уточняющие вопросы, я понял, что передо мной человек с легко возбудимой психикой. Он нервозно излагал свои аргументы, был нелогичен и недостаточно компетентен в обсуждаемом вопросе. За долгие годы работы в "Правде" и в ЦК КПСС мне приходилось общаться с разными людьми, и я достаточно легко чувствовал неуравновешенность собеседника, его агрессивность. Поэтому я предложил продолжить нашу беседу позже, надеясь выяснить к тому времени, действительно ли он является помощником Кагановича, какова степень его доверия к этому человеку и какие полномочия ему передал Лазарь Моисеевич.

Скоро я узнал, что с подобным вопросом этот человек уже обращался к работникам журнала "Известия ЦК КПСС". Он тоже сообщил им, что Каганович подготовил ответ на публикацию по поводу сноса Сухаревой башни и о таком решении просил проинформировать редакционный совет журнала, при этом поставил условие, что Каганович направит свою информацию только в том случае, если журнал официально попросит его дать комментарий.

Как человеку, много лет проработавшему в журналистике, ведущему новый и, как показывала жизнь, достаточно популярный журнал "Известия ЦК КПСС", мне, безусловно, было интересно получить от Кагановича какие-то документы, опровергающие сложившуюся точку зрения на его причастность к разрушению исторических ценностей и памятников культуры и архитектуры. Еще больший интерес вызывали у меня другие документы.

Так называемый его помощник Л. втерся к нему в доверие и, пользуясь немощью Кагановича, старался выяснить какие-то детали его биографии, возможно, для написания книг или передачи информации другим людям. Сам он был рождения 1950 года и представлялся литературным сотрудником Союза писателей СССР. При проверке эти данные не подтвердились, но ему удалось уговорить одного из писателей зачислить его к себе литсотрудником в связи с тем, что Л. стали преследовать за тунеядство. Л. задерживался милицией, на его квартире проводился обыск и была изъята порнографическая литература.

Итак, вопрос о помощнике, контактах с ним и его участии в подготовке каких-либо материалов отпадал. Разумеется, я мог бы и сам, не откладывая дело, переговорить с Кагановичем, так как с ним встречался и он мог помнить меня. Но со дня встречи минуло почти 30 лет, и память могла изменить ему, а напоминать мне не хотелось, так как событие, по поводу которого мы встречались, было для него весьма неприятно.

Случилось такое знакомство в начале 1962 года, когда после XXII съезда Хрущев вновь обрушил огонь критики на Сталина, не пожалел и его соратников, хрущевских сподвижников по организации ареста Берии — Маленкова, Кагановича, Молотова, всех, кто в 1957 году поставил под сомнение в связи с неуравновешенностью характера способность Хрущева возглавлять партию, а по существу государство. Политически расстреляв бывших членов партийного руководства, Хрущев начал постепенно прибавлять к "неверным" и других руководителей, в том числе Ворошилова, своего друга Булганина, Первухина, Сабурова. К этому времени Хрущев мог себе это позволить потому, что целиком овладел ситуацией в стране и партии и был способен уничтожить кого угодно.

С годами его ненависть к Сталину, подогреваемая политическим страхом перед умершим вождем, его скрытыми и явными сторонниками, усиливающимся в народе непонимании действий Хрущева, ничуть не уменьшилась. Он по поводу и без повода старался унижить Сталина. После XXII съезда я, как сотрудник "Правды", был приглашен на совещание работников сельского хозяйства в Кремлевском Дворце съездов. Хрущев любил собирать подобного рода многотысячные совещания, устраивал спектакли, главным и единственным актером которых был он. И вот на этом совещании перед битком набитым залом нового величественного здания он, потеряв мысль, неожиданно начал бранить Сталина за его незнание вопросов сельского хозяйства.

— Вы же знаете, какой был Сталин? — спрашивал Хрущев.
И отвечал себе:
— Он не отличал озимую пшеницу от яровой и не понимал, зачем надо сеять под зиму. А потому часто спрашивал, почему на Украине я не сею зерновые по весне. Понимаете, какой уровень его познания? — вопрошал бывший шахтерский работник, а в ту пору уже известный в стране кукурузник. — Он же вообще не знал, почему нужно столько сеять зерновых на Украине.
— Зачем вам столько зерна? — спрашивал меня Сталин.

Я ему объяснял, что зерно идет не только для выпечки хлеба, но и для откорма свиней. А он не верит:

— Зачем это нужно, я знаю, что в Грузии вообще свиней не кормили, они сами добывали себе корм. Единственно, что делали хозяева этой скотины, так это сбивали из досок хомут и вешали им на шею, чтобы не пролезали сквозь заборы, а то все уничтожали.

— Вот каким аграрием был Сталин, — заключал Хрущев.

Во время этого собрания он не раз возвращался к ошибкам и порокам Сталина, ругал антипартийную группу. И вообще вел себя как помещик, поучая жизни дворовых и темных мужиков.

Я с большим удивлением смотрел на Хрущева и весь тот балаган, в который первый секретарь ЦК старался превратить совещание аграрников. Тогда мне и в голову не приходило, что через несколько месяцев я буду работать в ЦК КПСС и довольно близко сталкиваться с этим человеком, стенограммами его выступлений, речами и другими документами, выходившими из-под пера его помощников.

Организовав новый погром своих противников, Хрущев в 1961 году поставил вопрос об их исключении из членов КПСС. Люди, которые, в отличие от Хрущева, стояли у истоков создания партии, участвовали в гражданской войне, теперь отлучались от партии выскочкой, малообразованным интриганом и авантюристом. Уже работая в ЦК, я узнал, как поспешно изымались из архивов все документы, свидетельствующие о причастности Хрущева к массовому террору. Только в Москве в его бытность первым секретарем МК и при его участии были уничтожены тысячи видных партийных и государственных деятелей, представителей интеллигенции, армейских командиров. Еще большие потери понесла Украина, где Хрущев, как секретарь ЦК Компартии Украины, послал на расстрел и уничтожил десятки тысяч человек, среди которых были невинные и широко известные люди.

Отыгрываясь на Сталине и других, он хотел спастись от возмездия, которое могло грянуть, зная партия его истинную роль в массовых расстрелах людей.

Как раз в ту пору и исключили Кагановича из КПСС, потребовали дать объяснения своей преступной антипартийной деятельности и покаяться перед партией.

Тогда принять покаяние от деятелей "антипартийной группировки" Хрущев вменил в обязанность Ильичеву. Леонид Федорович вызывал к себе инструктора агитпропа А. Н. Яковлева и поручил помочь сформулировать тексты покаянных писем. И вот однажды Ильичев пригласил меня и сказал, что в 12 часов у него на приеме будет Каганович.

— Ты закажи пропуск и немного поддержки его в приемной, — попросил Ильичев, — займи чем-нибудь.

У больших начальников, как я уже разобрался, существовала практика в зависимости от ранга, современного положения посетителя томить людей в приемной, высказывая тем самым свое отношение к ним, подчеркивая, сколь мелки посетители, пришедшие к ним. Каждый ждал в приемной в зависимости от той иерархической ступени, которую занимал.

Получив информацию, я позвонил в комендатуру и заказал пропуск Кагановичу, попросив сопроводить его в аппараты Ильичева.

Мое отношение к Кагановичу не вполне отвечало настроению Хрущева. После окончания десятилетки я в 1953 году устроился работать на Московско-Рязанскую железную дорогу в электроцех, который размещался в ту пору в бывшем полукруглом здании депо и мастерских паровозов недалеко от поворотного круга. В те годы устроиться на железную дорогу было непросто. Министерство путей сообщения по существу было государством в государстве, со своими рабочими поселками, магазинами, школами, поликлиниками и больницами, прокуратурой, милицией и всем прочим. И в каждой производственной и социальной структуре царил дух "желез-